МИР 25.04.2025 | Аарон Бенанав

Глобальный хаос

Мировой кризис имеет более глубокие причины. Трамп – не корень всего зла, настоящие проблемы существовали десятилетиями.

В мире царит хаос.

Пока президент Трамп разрушает карательными пошлинами международную торговлю и переформировывает круг союзников, мировые лидеры пытаются прийти в себя. Они оказались не готовы к таким потрясениям. Едва ли не везде в мире правительства проигрывают выборы (или держатся из последних сил) из-за роста недовольства. От США до Уругвая, от Британии до Индии – в 2024 году по демократическим странам прошла волна антиправительственных протестов. Но не только демократии сейчас в кризисе. Китай также борется с беспорядками и экономической нестабильностью. Споры в наше время глобальные.

Такая печальная ситуация имеет много возможных объяснений. Некоторые считают, что быстрые социальные изменения, особенно в сферах миграции и гендерной идентичности, вызывают сопротивление. По мнению других, элиты не справились с пандемией или отдалились от населения, что вызвало вспышку ненависти к истеблишменту и восхищение сильными. Еще один аргумент заключается в том, что социальные сети, управляемые алгоритмами, облегчают распространение дезинформации и теорий заговора, а это усиливает неуверенность.

Мир переживает долгосрочное замедление роста экономики, которое началось еще в 1970-х годах

Бесспорно, в каждой из этих гипотез что-то есть. Но в основе нынешнего беспорядка лежит более глубинная сила: экономическая стагнация. Мир переживает долгосрочное замедление роста экономики, которое началось еще в 1970-х годах, а после глобального финансового кризиса 2008 года усилилось. Никаких признаков улучшения не видно. Завязнув в медленном росте, низкой производительности труда и

старении рабочей силы, мировая экономика топчется на месте. Именно эта общая трудность является главной причиной политических и социальных конфликтов во всем мире.

Состояние G20, союза крупнейших экономик мира, многое говорит о состоянии мировой экономики. Картина удручающая. Восемь из этих двадцати с 2007 года выросли менее чем на 10 процентов (с учетом инфляции). Еще четыре – чуть больше этого показателя. Некоторые, такие как Индия, Индонезия и Турция, держат лучший темп роста, но экономика большинства членов давно уже нездорова.

В прошлом экономики стран G20 стабильно росли на 2-3 процента в год, страны удваивали свои доходы каждые 25-35 лет. Сейчас темпы роста во многих странах составляют 0,5-1 процент, то есть для удвоения доходов требуется 70-100 лет – слишком медленно, чтобы люди могли заметить прогресс в течение своей жизни. Сказать, что это огромное изменение, значит не сказать ничего. К потере надежды приводит не только полная стагнация. Когда люди уже не верят, что их жизнь или жизнь их детей улучшится, разрушается доверие к институтам и растет недовольство.

Так почему рост так резко замедлился?

Дрейф мира от производства в сторону сферы услуг затормозил главный двигатель экономического развития: рост производительности труда

Одна из причин – дрейф мира от производства в сторону сферы услуг. Он затормозил главный двигатель экономического развития: рост производительности труда. Производительность (выпуск продукции за час работы) производства может расти быстро. Например, автомобильный завод, установивший роботизированные сборочные линии, может удвоить выпуск, не нанимая больше рабочих, а возможно, и уволить некоторых. Но в сфере услуг повысить эффективность гораздо сложнее. Ресторан, становясь более загруженным, обычно нуждается в большем количестве официантов. Больнице, где лечится больше пациентов, нужно больше врачей и медсестер. Если экономика базируется на услугах, рост производительности неизбежно происходит медленнее.

Этот сейсмический сдвиг, который продолжается уже несколько десятилетий, называется деиндустриализацией. Все знают, как она выглядит в Америке и Европе: потеря работы на производстве из-за падения спроса на промышленные товары. Но деиндустриализация не ограничивается развитыми странами. Переход от производства к услугам происходит во всех странах G20 и влечет за собой снижение темпов роста почти везде. Сейчас около 50 процентов мировой рабочей силы занято в сфере услуг.

Еще одна причина глобальной стагнации – замедление роста населения. После Второй мировой войны был всплеск рождаемости, создавший большой спрос на строительство жилья и инфраструктуры, став одним из факторов послевоенного бума. Когда-то демографы предполагали, что рождаемость стабилизируется на уровне воспроизводства населения: в среднем двое детей на семью. Зато уровень рождаемости уже ниже этого порога. Такая тенденция – следствие того, что уже некоторое время семьи имеют меньше детей, а теперь и семьи как таковые создает все меньше людей. Она распространяется на Малайзию, Бразилию, Турцию и даже Индию.

Это большая проблема для экономики. Сокращение рабочей силы означает уменьшение рынков сбыта в будущем, что мешает бизнесу расширяться. Особенно если экономика базируется на услугах, то есть наряду с малым ростом производительности есть тенденция к увеличению расходов. Инвестиций становится меньше. В то же время уменьшение доли трудоспособного населения означает, что все меньшее количество налогоплательщиков содержит все большее количество пенсионеров, что увеличивает расходы на пенсии и здравоохранение и заставляет правительства повышать налоги, накапливать долги или частично отменять льготы.

Еще одна причина глобальной стагнации – замедление роста населения

Учитывая стагнацию, бизнесы меняют стратегию. Вместо реинвестирования прибыли в расширение, наем работников и инновации, многие компании сосредотачиваются на выкупе акций и дивидендах, отдавая приоритет финансовым выплатам, которые повышают цены на акции и доходы руководства. Результат – замкнутый круг растущего неравенства, малого спроса и низких темпов роста. Это происходит во всем мире. Не просто так Международный валютный фонд предупреждал, что 2020-е будут

«прохладными», еще до того, как господин Трамп начал торговую войну.

Что же делать? Некоторые считают выходом из ловушки стагнации искусственный интеллект. По их мнению, если бы ИИ мог повысить эффективность труда в трудоемких секторах услуг, таких как здравоохранение и образование, это возобновило бы рост экономики. Но производительность генеративного ИИ, несмотря на ажиотаж, до сих пор ограничена, поэтому непонятно, как именно эта технология может вырасти в масштабные улучшения в основных сферах услуг. Более того, развитие ИИ, похоже, не ускоряется, а замедляется. То есть роботы мировую экономику не спасут.

Другие видят путь к восстановлению динамичности экономики в реиндустриализации при условии строгого таможенного контроля. Именно на это, по крайней мере в теории, делает ставку администрация Трампа. Но и здесь не все так просто. Во-первых, падение производства отразилось не только на торговле. Даже такие мощные производители и экспортеры, как Германия и Южная Корея, столкнулись с сокращением занятости в промышленном секторе. Во-вторых, в отраслях, которые считаются способными к возрождению, таких как полупроводники, электромобили и возобновляемая энергетика, также работает относительно мало людей. Эпоха, когда промышленность могла обеспечить массовую занятость, прошла.

Если темпы роста производительности нельзя настолько увеличить, то количество населения, вероятно, можно. Так думают наталисты, то есть те, кто призывает рожать больше детей. Но рождаемость упала даже в странах со щедрой семейной политикой, таких как Швеция и Франция. Другой вариант – активная иммиграция, которая до сих пор является самым эффективным способом держать темп экономического роста на фоне старения общества. Соединенные Штаты держат более высокий темп, чем Япония или Германия, частично благодаря иммиграции, которая до сих пор пополняла американскую рабочую силу. Но в наше антимигрантское время, с господином Трампом на посту президента, такие решения кажутся чуть ли не фантастическими.

А впрочем, два теоретически эффективных способа преодолеть стагнацию есть.

Первый заключается в том, чтобы страны больше тратили, используя дефицит. Часто говорят, что американская экономика сильнее в сравнении с европейской. Ключевая, хотя и недооцененная, причина

этого проста: Соединенные Штаты имеют значительный бюджетный дефицит (с 2009 года в среднем более 6 процентов ВВП), в то время как Европа поддерживает более жесткую фискальную дисциплину.

Дефицитное финансирование способно способствовать росту, особенно если направить его на государственные инвестиции. Например, ускорение «зеленого перехода» может стимулировать экономическую активность на годы вперед. Даже в Европе, где всегда были более сильные фискальные ограничения, правительства сейчас готовятся к волне дефицитных расходов по американскому образцу, хотя сосредотачиваются на национальной безопасности и развитии армии, а не на ускорении экономики.

Второй подход – перераспределение. Ранее политику дальнейшего обогащения состоятельных часто обосновывали стимулированием роста сверху вниз, но это явно провальная стратегия. Вместо этого правительства могли бы ввести для богатых значительно более высокие налоги и перераспределить доходы в пользу остального общества. Конечно, в США (да и везде) это делалось бы с боем, но имело бы заметные результаты, а именно улучшение потребительского спроса и укрепление рынков как на внутреннем уровне, так и на международном.

Целью должно быть не только повышение уровня дохода (который, по результатам исследований, все больше отрывается от счастья), но и построение более стабильных и справедливых обществ на фоне замедления роста. Это требует инвестиций в улучшение условий жизни: восстановление экосистем, реорганизацию инфраструктуры и строительство жилья. Кстати, таким образом можно также обеспечить бедным странам более честные и предсказуемые условия для развития, ориентированного на экспорт.

Конечно, это не означает автоматически стабильность во всем мире. По мере формирования этого альтернативного будущего неизбежно будут возникать новые политические конфликты. Но, учитывая нынешний ход событий, попробовать, бесспорно, стоит.

(c) c.2025 The New York Times Company

По этой ссылке статья откроется без VPN

Аарон Бенанав

Аарон Бенанав (Aaron Benanav) – доцент Корнельского университета, научный сотрудник *New Institute* в Гамбурге, автор книги «Автоматизация и будущее труда».